

На добрую память о добромъ старцѣ.

Димитрій Максимовичъ ¹⁾.

Въ 40 верстахъ отъ Великаго Устюга, славнаго подвигами юродивыхъ Прокопія и Іоанна—праведниковъ, на лѣвомъ берегу Сѣверной Двины, во время весны заливаемомъ водой, находится Ярокурской Преображенскій приходъ. Кругомъ с. Ярокурья расположены возвышенности со множествомъ деревень и нѣсколькими церквами: за широкой Двиной на правомъ берегу ея высится величественный Вотложенскій храмъ, за нимъ внизъ по рѣкѣ—Михайло-Архангельскій Городецкій, недалеко отъ Ярокурья на красивой горѣ пріютился маленькій Прилуцкій Николаевскій мужской монастырь, въ 7 верстахъ находится с. Красавино, извѣстное своими полотняными фабриками, въ 4 верстахъ—большое село Приводино. Здѣсь около 1752 года родился Димитрій Максимовичъ Новосельцевъ, извѣстный Ярокурскій подвижникъ, юродивый, нашедшій себѣ послѣдній пріютъ на кладбищѣ вблизи Ярокурскаго Преображенскаго храма.

Родители Димитрія были кресьяне-половники, принадлежавшіе Устюжскому посадскому человѣку Андрею Теофанову Смольникову; дѣда звали Мелетіемъ, отъ котораго за Димитріемъ и осталось прозвище Мелетичъ; отца звали Максимомъ. Максимъ Мелетіевъ въ молодые годы ходилъ на заработки въ Сибирь, гдѣ честнымъ трудомъ и бережливостью нажилъ небольшія деньги, на которыя получилъ возможность завести въ деревнѣ торговлю мелочными товарами. Въ свое время Максимъ считался у мѣстныхъ жителей человѣкомъ зажиточнымъ, хорошимъ и пользовался отъ нихъ заслуженнымъ уваженіемъ. Дочь свою Татьяну онъ выдалъ въ замужество за Котласскаго священника Іоанна Попова, а старшій сынъ его Димитрій въ юные годы былъ воспріемникомъ будущаго Ярокурскаго священника Θεодора Петровскаго.

Благочестивые родители воспитывали Димитрія въ страхѣ Божіемъ и въ правилахъ хрістіанской жизни. Мальчика Димитрія они отдали для наученія грамотѣ приходскому діакону Тимоѳею. Горячо помолившись вмѣстѣ съ родителями прор. Науму, мальчикъ усердно принялся за часословъ и Псалтирь. Удалявшійся отъ дѣтскихъ игръ, сосредоточенный и рачительный, Димитрій скоро по успѣхамъ опередилъ своихъ товарищей. Онъ допущенъ былъ до чтенія въ церкви. Съ дѣтства любившій св. храмъ и богослуженіе, Димитрій особенно сроднился съ нимъ теперь, когда сталъ принимать участіе въ пѣніи и чтеніи церковномъ; во всѣ воскресные и праздничные дни онъ всегда бы-

¹⁾ Жизнеописаніе составлено по лѣтописи Ярокурской церкви и рассказамъ старожилловъ.

валъ въ приходскомъ храмѣ за службами, являясь туда до начала ихъ. Церковная молитва стала для него потребностью. Особено сильно растрогивали душу мальчика торжественныя и продолжительныя богослуженія, напр. въ годовыя праздники. На всѣхъ нарочитыхъ торжествахъ, происходившихъ въ сосѣднихъ, приходоухъ, по поводу закладки или освященія храмовъ, поднятія колоколовъ и т. п., онъ бывалъ неопустительно: ни некогда, ни разстояніе не могли удержать его, жаждавшаго насытиться радостію молитвы среди массъ вѣрующаго народа. Онъ сердцемъ полюбилъ Христа и пламенно вождѣлѣлъ жить для Него...

18 лѣтняго юношу Димитрія родители хотѣли женить, но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Родители много не настаивали. Максимъ, занимавшійся торговлей и тѣмъ доставлявшій пропитаніе своему семейству, рѣшилъ приучить Димитрія, какъ старшаго, къ торговлѣ, онъ поручилъ сыну продажу товаровъ въ своей лавочкѣ. Но не думавшій о мірскихъ стяжаніяхъ, а мечтавшій о сокровищахъ небесныхъ, юный Димитрій не оправдалъ надеждъ отца: онъ торговалъ въ убытокъ, товаръ покупателямъ отдавалъ ниже его стоимости, а съ бѣдныхъ вовсе не бралъ денегъ. Торговля пошла въ упадокъ и родитель отстранилъ сына отъ торговаго дѣла. Скоро старикъ отецъ умеръ. Забота о поддержаніи семейства перешла къ Димитрію, какъ старшему сыну вдовы. При его пренебреженіи къ земнымъ тлѣннымъ благамъ, семейство Новосельцевыхъ жило очень бѣдно. Мать не разъ отдавала Димитрія въ работники къ сосѣднимъ крестьянамъ, но тѣ прогоняли его ранѣе выговореннаго срока, потому что ихъ работникъ былъ очень набоженъ и не могъ удержаться, чтобы не сходить къ службѣ въ приходскій храмъ въ каждый воскресный и праздничный день. Нанялся разъ Димитрій Мелетичъ въ кучера къ одной богатой барынѣ въ г. Великомъ Устюгѣ. Усердно кучеръ исполнялъ свою должность и находился въ повиновеніи у своей хозяйки. Барыня была довольна Димитріемъ, одно тяготило ее. Выѣдутъ они въ праздникъ къ обѣднѣ въ соборъ или другую какую церковь, поравняются съ первой церковію, которая встрѣтится на пути, кучеръ сходитъ съ козелъ, встаетъ на ноги и начинаетъ креститься предъ храмомъ и молится довольно долго; продолжаютъ путь—опять церковь—а въ Устюгѣ ихъ много—Димитрій снова сходитъ съ козелъ, снова молится и такъ дѣлаетъ предъ каждою церковію, пока не доведетъ барыню до того храма, въ которомъ она имѣетъ намѣреніе стоять службу. И увѣщевала хозяйка Димитрія, и ругала всячески, ничто не помогало; она не выдержала и прогнала отъ себя богомольнаго кучера.

Будучи 20 лѣтъ, Димитрій лишился своей матери. Какъ бо-
быль, не занимавшійся крестьянствомъ, не имѣвшій ни дома, ни ремесла и потому не приносившій никакой пользы хозяину по-

садскому человѣку Смольникову, послѣднимъ нѣсколько разъ Димитріи сдаванъ былъ въ солдаты, но такъ какъ имѣлъ нѣкоторую сутулость, то на военную службу принимаемъ не былъ.

Лишившись родителей и освобожденный отъ всѣхъ земныхъ обязанностей, Димитрій отдался подвигу юродства ради Христа и этотъ подвигъ несъ до самой смерти своей въ продолженіе сорока лѣтъ.

Пристаница себѣ онъ не имѣлъ; ходилъ съ мѣста на мѣсто, изъ деревни въ деревню, но далеко отъ Ярокурья не удалялся, причемъ въ каждой деревнѣ долго не жилъ,—не болѣе недѣли, и то въ разныхъ домахъ. Являясь въ избу, Димитріи не проходилъ въ переднюю часть ея, но обычно оставался недалеко отъ порога. Крестьяне-боголюбцы радушно принимали его, но весьма многіе и гнушались юродивымъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ, желая терпѣть униженія и обиды, иодавалъ поводъ къ тому. Онъ напр., носилъ съ собою въ пазухѣ въ худенькомъ мѣшочкѣ или въ тряпкѣ навозъ, какъ знакъ, напоминающій о ничтожности его предъ Богомъ и суетности заботъ о тѣлѣ, а въ людяхъ мірскихъ возбуждающій презрѣніе и безгливость къ тому, кто его держалъ у своей груди. Гдѣ Димитрія не принимали, онъ, выходя изъ домовъ, отрясалъ прахъ отъ ногъ своихъ, отирая то правою, то лѣвою рукою подошвы ногъ до ста и болѣе разъ. Иногда онъ это дѣлалъ ночью, оставляя сонными хозяевъ дома, къ нему нерасположенныхъ, или пренебрегающихъ заповѣдями Господними. Замѣчали, что тѣ дома еще при жизни юродиваго разрушались или отъ пожаровъ, или отъ разливовъ рѣки Двины, или отъ ветхости; въ иныхъ домахъ скоро вымирали всѣ обитатели, и они дѣлались „выморочными“. На улицахъ деревень за Димитріемъ толпами гонялись ребяташки, всячески издѣваясь надъ нимъ. Случалось,—поймаютъ они юродиваго въ распахъ въ деревнѣ, или на дорогѣ: отъ деревни до деревни, успѣютъ положить вокругъ него сзади, спереди и по бокамъ по палкѣ, такъ что онъ окажется находящимся въ квадратѣ, образуемомъ палками, и смѣются надъ нимъ, какъ онъ упрасиваетъ ихъ, переступая съ ноги на ногу, отбросить хотя одну палочку. Мальчишки швыряли въ Димитрія грязью, палками, камнями; тоже дѣлали и взрослые въ праздники, когда находились подъ хмѣлькомъ. Рабъ Божій терпѣливо и великодушно переносилъ всѣ творимыя надъ нимъ безчинства, часто ласково отшучиваясь словами: „капуски вамъ въ горлышко“.

Милостыни Димитрій Максимовичъ никогда не просилъ. Почитатели охотно дарили ему деньги и разныя вещи, но онъ не бралъ ничего въ свои руки, а совѣтовалъ деньги снести въ храмъ на свѣчи предъ иконами Господа и святыхъ Его, особенно же своего тезоименита—св. Димитрія Солунскаго, а также по-давать ихъ на поминавленіе родителей юродиваго и всѣхъ право-

славныхъ хрістіанъ, въ вѣрѣ скончавшихся. Вещи, приносимыя ему усердными почитателями, Димитрій, внимательно осматрѣвъ, велѣлъ класть подъ крыши тѣхъ домовъ, вблизи которыхъ ему случалось тогда быть. Эти вещи убирались вѣроятно впослѣствіи тѣми, кому онѣ были нужны. Питался Димитрій Максимовичъ у добрыхъ людей, пищи ему не много надо было. Онъ ѣлъ у своихъ знакомыхъ въ мясоясгіе по три раза въ недѣлю а въ посты по два. По древнему русскому обычаю, юродивый предъ вкушеніемъ пищи умывалъ руки. Интересно исполнялъ онъ этотъ свой обрядъ. Хозяина или члена семьи того дома, гдѣ останавливался поѣсть, онъ просилъ поливать воду изъ ковша, притомъ по каплѣ, а въ это время самъ читалъ молитвы. Помогавшій невольно долженъ былъ внимать молитвамъ раба Божія. Случалось, что Димитрій Максимовичъ ошибется въ одномъ словечкѣ молитвы и снова начнетъ повторять ее съ самаго начала. Хозяинъ долженъ терпѣливо дожидаться, когда кончится умовеніе; если онъ не выдерживалъ и начиналъ сердиться, юродивый убѣгалъ изъ дома.

Вечеромъ, передъ сномъ, Димитрій Максимовичъ подолгу молился; онъ зналъ очень много молитвъ и псалмовъ наизусть, которые съ любовію читалъ. Часто дѣтишки въ тѣхъ домахъ, гдѣ ночевалъ юродивый, издѣвались надъ нимъ, всячески мѣшали молитвѣ, вскакивая ему на спину, ругая его разною бранью; но Димитрій не обращалъ вниманія на происходившее вокругъ него; сосредоточившись въ самомъ себѣ, онъ усердно творилъ свое молитвенное правило. Любилъ рабъ Божій молиться ночью: хозяева слышали ночами шепотъ, вздохи и рыданія, шорохъ при совершеніи поклоновъ и тихія, чуть-чуть произносимыя Димитріемъ восклицанія: „радуйся, Невѣсто неневѣстная“. Днемъ Димитрій Максимовичъ часто съ большимъ одушевленіемъ пѣлъ свои хвалы Господу; иногда это пѣніе было настолько задушевно и прекрасно, что казалось, сами ангелы пѣли вмѣстѣ съ нимъ. Жена крестьянина дер. Слуды Петра Маноква, Авдотья Иванова, рассказывала, какъ она, будучи еще дѣвницей, удостоилась наслаждаться сладкопѣніемъ Димитрія. Она была дочерью Приводинскаго священника, въ дому котораго нерѣдко привиталъ юродивый. „Разъ родители мои, передавала Авдотья, уѣхали изъ дома, я же занималась тканьемъ полотна; изъ комнаты я вышла въ чуланъ и когда возвращалась обратно, мнѣ слышалось какъ будто Димитрію поеть не одинъ, а съ десятками мальчиковъ, имѣющихъ самые нѣжные пріятные голоса. Удивленная, я спрашиваю Димитрія Максимовича: съ кѣмъ ты это, дядя, пѣлъ такъ пріятно? Онъ же съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „вотъ ты и заговорила, молчи“... *(Продолженіе слѣдуетъ).*

На добрую память о добромъ старцѣ.

Димитрій Максимовичъ.

(Окончаніе).

Замѣчательно, что такъ любившій посѣщать храмъ Божій во дни молодости, Димитрій Максимовичъ, принявъ на себя под-

вигъ юродства, до 50 годовъ бывалъ въ церкви очень рѣдко, а съ 50-ти никогда не входилъ въ храмъ. Онъ считалъ себя хуже всѣхъ людей, недостойнымъ стоять во св. мѣстѣ, гдѣ приносится великая жертва Хрiстова. Во время совершения богослуженія юродивый находился вблизи храма, большею частью около праваго или лѣваго клироса, причемъ никогда не мѣнялъ мѣста. Бывало—на улигѣ лютой морозъ, а онъ въ лапоткахъ, безъ шапки стоитъ цѣлыя часы около храма; замѣчали что снѣгъ около его ногъ растаивалъ. Иногда Димитрій Максимовичъ пріютится въ притворѣ церковномъ, при входѣ въ храмъ, и проситъ входящихъ туда помолиться за него, а если кто изъ нихъ начнетъ спрашивать его, или говорить о чемъ постороннемъ, онъ предупреждалъ такового словами: „съ Богомъ, съ Богомъ иди, тамъ служба идетъ“.

Не входя съ 50 лѣтъ въ храмъ, юродивый имѣлъ обыкновеніе причащаться св. Таинъ въ домахъ. Готовясь къ принятію Св. Даровъ, онъ снималъ съ себя ветхія рубища и, становясь на навозъ на скотскомъ дворѣ, просилъ поливать на него холодной водой болѣе ста ковшей, потомъ тутъ же надѣвалъ на себя чистое бѣлье, а старое бросалъ въ воду. Въ баню Димитрій Максимовичъ никогда не ходилъ.

Лѣтомъ 1819 года юродивый, находясь въ дер. Кобылинской, почувствовалъ себя больнымъ. Стояла горячая рабочая пора. Кобылинскіе крестьяне, занятые работами, не имѣли возможности ухаживать за больнымъ и отвезли его въ сосѣднюю деревню Большой Дворъ, къ зажиточному крестьянину Леонтію Шипицину. Вѣсть о болѣзни юродиваго скоро разнеслась среди его почитателей, которые всячески готовы были выразить ему свое сочувствіе. Одинъ изъ почитателей, крестьянинъ дер. Вечеслова Гавріиль Вирячевъ, послалъ больному въ даръ съ сыномъ своимъ Иваномъ двухъ сиговъ. Димитрій Максимовичъ надумалъ переселиться къ любившему его и всегда внимательно относившемуся къ нему Вирячеву, который принялъ юродиваго съ истинно хрiстіанскимъ радушіемъ и ухаживалъ за нимъ до самой кончины. Однажды лежа на одрѣ больной говорилъ пріютившимъ его хозяевамъ: „вотъ люди заговорятъ, да изъ подъ руки будутъ смотрѣть: кто идетъ, кто идетъ? Вирячевъ, Вирячевъ“. Эти слова, сказанныя юродивымъ, поняты были впоследствии. Родной племянникъ Гавріила Вирячева, во время постройки въ Петербургѣ Исаакіевскаго собора, отправился туда на заработки и честнымъ исполненіемъ подрядовъ, а также воздержностью, скопилъ себѣ состояніе, достаточное для покупки двухъ каменныхъ домовъ. Разбогатѣвъ онъ не разъ наѣзжалъ въ родное ему Яркурье. Тогда дѣйствительно жители деревни съ любопытствомъ и уваженіемъ смотрѣли на Ивана Вирячева и говорили: „смотрите, смотрите, Вирячевъ идетъ, Вирячевъ идетъ!“

Послѣ кратковременной болѣзни, на 13-е Іюля 1819 года на 67 году жизни рабъ Божій Димитрій мирно отошелъ ко Господу. Погребеніе его совершено было весьма торжественно въ Ярокурскомъ храмѣ строителемъ Прилуцкаго Никольскаго монастыря о. Израилемъ, въ сослуженіи мѣстнаго священника Теодора Петровскаго, крестника покойнаго, и сосѣднихъ священниковъ—Приводинскаго Іоанна Попова, Вотложемскаго Іоанна Попова и Городецкаго Матѳея Низовцева. День погребенія юродиваго выдался дождливый, но при выносу тѣла изъ храма, по сказанію очевидцевъ, возсіяло солнце и день прояснился. Толпы народа, собравшагося отовсюду, со слезами провожали учителя истинно-христіанской жизни до мѣста послѣдняго упокоенія. Тотъ день былъ необычный въ жизни с. Ярокурья и надолго сохранился въ памяти обитателей его и сосѣднихъ весей.

Отъ дѣтства возлюбившій Христа и отвергшійся блага міра, среди лишеній и невзгодъ, среди оскорбленій и обидъ, Димитрій Максимовичъ созрѣвалъ духовно и за свой тяжелый подвигъ, подъятый ради Бога, сподобился получить отъ Него духовныя дарованія. Димитрій—былъ прозорливый. Многимъ людямъ онъ преуказалъ ихъ будущую судьбу, заранѣе повѣдалъ имъ о печальныхъ или радостныхъ случаяхъ въ ихъ жизни.

Приведемъ нѣсколько случаевъ прозорливости юродиваго.

Димитрій Максимовичъ шелъ по селу Приводину, которое, какъ свою родину, онъ не рѣдко посѣщалъ. Попадается ему на встрѣчу пономарскій сынъ Николай Нацвѣтовъ. Поздоровались. Юродивый, обращаясь къ Нацвѣтову, какъ бы въ шутку сказалъ ему: „Богъ привелъ пестри въ лобъ“. Весной Николай Нацвѣтовъ отправился на заработки въ Архангельскъ; тамъ онъ проворовался, его осудили, заклеямили и отправили въ ссылку.

Однажды Димитрій Максимовичъ зашелъ въ дер. Слуду къ мельнику Ивану Петрову Монакову. Домъ его стоялъ на высокой горѣ. Юродивый во дворѣ дома повѣсилъ мѣшокъ съ содержащимся въ немъ навозомъ. Хозяинъ, увидѣвъ мѣшокъ, схватилъ и швырнулъ его подъ гору. Узналъ объ этомъ, Димитрій Максимовичъ, какъ будто обидѣлся за поступокъ Івана, принялъ строгій видъ и съ упрекомъ сказалъ: „вотъ за это къ тебѣ скоро бѣда на дворъ придетъ, молчи, скоро навалитъ“. Дѣйствительно, на мельницѣ скоро случилось несчастіе. Вслѣдствіе неосторожности, одинъ крестьянинъ лишился жизни. Приѣхавъ на мельницу судебный слѣдователь, пошла волокита. На долю хозяина выпало не мало хлопотъ, заботъ и денежныхъ убытковъ.

Димитрій Максимовичъ имѣлъ обыкновеніе ходить изъ деревни въ деревню приходовъ, находящихся не вдалекѣ отъ с. Ярокурья. Однажды онъ сидѣлъ въ деревнѣ Васильевскаго прихода въ избѣ знакомаго крестьянина и все внимательно посматривалъ въ

окно. Былъ вечеръ. Хозяева, замѣтивъ, что юродивый такъ часто во что-то всматривается, не утерпѣли и спросили его: „на кого ты, Митюшка, смотришь?“

— Я смотрю, скоро-ли взойдетъ солнышко, отвѣчалъ Димитрій.

— Да вѣдь солнышко недавно закатилось, возразилъ хозяинъ; взойдетъ-то взойдетъ, да завтра по утру.

Не успѣвъ онъ договорить своихъ словъ, какъ вдругъ Димитрій вскрикнулъ: „а вотъ и взошло“.

Хозяева подбѣжали къ окну и увидѣли, что вспыхнулъ овинъ съ хлѣбомъ.

— Ну, Митріюшко, правду ты сказалъ, взошло твое солнышко, промолвили хозяева, бросившись бѣжать на пожаръ.

Ярокурскій священникъ о. Ѳеодоръ Петровскій рассказывалъ нѣсколько знаменательныхъ случаевъ изъ своей жизни, о прозорливости Димитрія Максимовича.

— Когда я былъ дьячкомъ при Ярокурской Преображенской церкви, по совѣту родныхъ—родители мои уже умерли,—я надумалъ жениться. За благословеніемъ на этотъ путь жизни я пришелъ къ своему крестному отцу Димитрію Максимовичу. Онъ спросилъ меня:—гдѣ же ты нашелъ себѣ невѣстушку-то?

— Въ дер. Куимихѣ, у крестьянина Гавріила Голышева дочь-дѣвицу Меланію, отвѣчалъ я.

— Э, крестникъ, далеко! Ты бы взялъ лучше невѣсту поближе, въ деревнѣ Кобылинской у Григорія Паутова есть дочь Параскева, вотъ законникъ-то, тебя бы пережилъ. Я не послушался совѣта крестнаго отца. Слова его скоро исполнились. Женившись на Меланіи, черезъ 4 года супружеской жизни я лишился сына, дочери и жены.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я шелъ въ церковь для служенія Божественной литургіи. У входа въ храмъ стоялъ мой крестный отецъ.

— Крестникъ, помяни моихъ родителей, поздоровавшись угрозилъ онъ.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ я.

Имя обыкновеніе всегда поминать родныхъ Димитрія Максимовича, на этотъ разъ я забылъ исполнить свой долгъ. Просто затмѣніе нашло. Кончилась обѣдня. Я послѣдній выходилъ изъ храма. Смотрю—крестный отецъ дожидаетъ меня въ притворѣ и съ упрекомъ говорить: „такъ-то крестникъ и помянулъ моихъ родителей. У тебя не то на умѣ“.

Я смутился и просилъ прощенія за свою забывчивость, причемъ обѣщался впередъ всегда поминать его родителей.

— Ну, дай Богъ, чтобы было такъ, проговорилъ Димитрій.

Меня позвали напутствовать Димитрія Максимовича. Предъ

отходомъ изъ дома для совершенія таинства я, грѣшный, выпилъ рюмку водки. Являюсь въ домъ Вирячевыхъ, гдѣ находился больной, мой крестный отецъ, подхожу къ нему, а онъ и говоритъ: „крестникъ, ты прибылъ напутствовать меня, а я сегодня не готовъ; приди завтра по утру“.

Такъ деликатно замѣтилъ юродивый о моемъ недостойнствѣ. Я понялъ, что не готовъ-то не онъ, а я, грѣшный. Слова Дмитрія Максимовича произвели на меня сильное впечатлѣніе.

— Я бываю именинникъ, 24-го августа, такъ рассказывалъ крестьянинъ дер. Адовской Петръ Михайловъ Горбовскій. Въ одинъ годъ этотъ день случился въ воскресенье, и я отправился къ обѣднѣ къ приходской своей Синегодской Успенской церкви. Тамъ встрѣтился съ Дмитріемъ и пригласилъ его къ себѣ—имениннику пообѣдать. Онъ согласился и отправился со мной. Каково же было мое удивленіе, когда рабъ Божій, подойдя чуть не къ самому моему дому, вдругъ направился обратно. Я схватилъ его за рукавъ, всячески упрасивалъ зайти въ домъ пообѣдать, но напрасно. Что за причина? думалъ я, огорченный отказомъ юродиваго. Печальный вхожу въ домъ, меня встрѣчаетъ мать, видѣвшая, какъ я звалъ къ себѣ нишаго—юродиваго, и съ упрекомъ говоритъ мнѣ: „а ты бы всѣхъ нищихъ забралъ и привелъ сюда“.

— А, подумалъ я, вотъ почему не пошелъ ко мнѣ Дмитрій Максимовичъ.

Въ жизни Вотложенскаго священника Іоанна Попова ¹⁾ былъ такой случай. Онъ служилъ тогда псаломщикомъ на Шомаксѣ, куда иногда приходилъ Дмитрій Максимовичъ. Разъ попадается псаломщику юродивый и, сложивъ руки для принятія благословенія, говоритъ ему: „благослови, отецъ Иванъ“. Уважая Дмитрія Максимовича, Іоаннъ Поповъ, нерасчитывавшій на священство, увидѣлъ въ его словахъ доброе предзнаменованіе: онъ попросился во священники и черезъ два мѣсяца предстоялъ уже предъ престоломъ Господнимъ.

Окрестное населеніе и многіе изъ жителей отдаленныхъ мѣстностей чтутъ память раба божія Дмитрія, котораго называютъ они блаженнымъ. На могилкѣ юродиваго весьма часто поются панихиды людьми, глубоко убѣжденными, что молитва блаж. Дмитрія доходна до Бога, что чрезъ свой тяжелый цѣложизненный подвигъ онъ имѣетъ теперь дерзновение ко Господу. На вопросъ, обращаемый къ просящимъ отслужить панихиду по юродивомъ, что ихъ побуждаетъ къ этому, получается обычный отвѣтъ: я былъ очень боленъ, или—меня постигло ужасное несчастіе, далъ обѣщаніе отслужить панихиду по блаж. Дмитрію,

¹⁾ Моего прадѣдушки.

и бѣда быстро миновала. Иные приходили и приходятъ къ могилѣ Димитрія Максимовича побуждаемые къ тому сновидѣніями, изъ коихъ особенно знаменательно одно, бывшее при жизни Ярокурскаго священника о. Андрея Попова. Одна женщина Костромской губерніи отправилась на богомолье въ Соловецкій монастырь. Никогда не выдавшая и ничего не слыхавшая о Димитріи Ярокурскомъ, въ г. Устюгѣ она во снѣ слышала голосъ: „по пути къ Соловецкому монастырю, недалеко отъ Устюга есть село Ярокурье, гдѣ покоится Димитрій Ярокурскій, ты зайди въ это село и отпой по Димитріи панихиду“. Женщина исполнила повелѣнное ей, отслужила панихиду надъ могилою блаж. Димитрія, въ оба пути,—и въ монастырь и обратно на родину, приходила также и нарочито въ Ярокурье къ дорогой для нея могилѣ.

Могила Димитрія Максимовича находится на восточной сторонѣ Ярокурской Преображенской церкви, противъ алтаря; на ней положена мраморная плита: надъ могилою выстроена часовенка, въ ней виситъ портретъ юродиваго: онъ—средняго роста, сутуловатый, въ сѣромъ деревенскомъ зипунѣ, въ липовыхъ лаптяхъ, шапка на немъ суконная съ бѣлымъ истертымъ отъ времени мѣхомъ; глаза сѣрые, пронзительные, сѣдые волосы вскомшены, длинные пряди ихъ торчатъ изъ-подъ шапки, грудь обнажена.

Міръ, всѣ земныя привязанности отринуть ты, ради Христа, въ Которомъ жилъ до смерти. Блаженъ ты былъ здѣсь, блаженъ и тамъ, гдѣ всякій получаетъ по правдѣ воздаяніе за дѣла свои.

Миссіонеръ *Нин. Сльдниковъ.*
